

КРАЕВЕДЕНИЕ

Е.В. СМЕРНОВА

Церковь иконы Казанской Божьей Матери в Карабихе в типологическом ряду двухколоколенных храмов конца XVIII века

Церковь иконы Казанской Божьей Матери в селе Богородском, что на Карабитовой горе, была построена в 80-е годы XVII века [1. С. 261]. По своему стилю она принадлежала к числу храмов так называемого “трапезного” типа, традиционного для большинства русских провинциальных городов XVII века. Их композиция обычно состояла из трех частей: собственно храмовой части с алтарными апсидами, трапезной и колокольни. Основной объем Казанской церкви был бесстолпным, перекрыт сомкнутым сводом и завершался четырехскатной кровлей, над которой возвышались пять глав. Церкви такого типа были довольно широко распространены в Ярославской области. В качестве примера можно привести церковь Николая “Рубленный город” в Ярославле, церковь Дмитрия “на крови” в Угличе и ряд других. В то же время для конца XVII века каменная церковь в сельской местности была достаточно редким явлением.

В 1711 году село Богородское с прилегающими землями перешло во владение княжеского рода Голицыных, а вскоре после этого на Карабитовой горе постепенно начал формироваться ансамбль усадьбы Голицыных, получившей название “Карабиха”. Вслед за этим село стало называться “Богородское, Карабиха тож”, а затем просто “Карабиха”.

Свой нынешний облик, в основном сохранившийся до наших дней, архитектурный ансамбль усадьбы приобрел в начале XIX века, когда князь Михаил Николаевич Голицын, назначенный в 1801 году ярославским гражданским губернатором, принялся за обустройство своего родового имения, доставшегося ему в 1785 году в наследство от отца, Николая Сергеевича Голицына. В результате капитальной перестройки усадьба приобрела вид парадной резиденции, соответствующий новому статусу владельца.

Усадебный ансамбль, строительство которого было начато Н.С. Голицыным еще в 40-е годы XVIII века, в результате перестройки приобретает характерный для эпохи классицизма облик усадьбы дворцового типа, распространенного в основном в окрестностях Москвы. Композиция ансамбля слагалась из трех объемов: главного дома и двух флигелей, соединенных между собой двухэтажными галереями.

В это же время М.Н. Голицын перестраивает стоявшую рядом с усадьбой церковь иконы Казанской Божьей Матери. Храм к этому времени уже обветшал, требовал ремонта, да и архитектурные формы XVII века не вписывались в обновленный ансамбль усадьбы Голицыных.

В результате перестройки облик Казанской церкви приобрел черты, характерные для архитектуры 2-й половины XVIII века: к северному и южному фасадам четверика были пристроены две ротонды, объединенные с основным объемом колоннадой, огибающей алтарную

часть. К западному фасаду широкой трапезной пристроили две башни, одна из которых служила колокольней, в другой находились часы, и двухколонный портик между ними. Над оконными проемами алтаря и трапезной были прорезаны круглые окна, фасады оформлены плоскими пилястрами; лишь фасады самого четверика частично сохранили первоначальные архитектурные формы. Позднее, в 1830-х годах, к западному фасаду трапезной во всю его ширину был пристроен шестиколонный портик с треугольным фронтоном [2. С. 21-22]. Строительные работы не были

завершены: не закончили внутреннюю отделку, колонны остались без капителей.

Перестроенная карабихская церковь представляла собой пример оригинального сочетания характерного для ярославского края типа храма XVII века и совершенно нетипичного для

ярославской архитектуры, но довольно распространенного в 70-х-90-х годах XVIII века в архитектуре подмосковных усадеб двухколоколенного храма, появление которых считается началом так называемого “псевдоготического” направления в русской архитектуре.

Характерной чертой, объединяющей этот тип культовых сооружений, является оформление их западного фасада двумя башнями по обе стороны от входа в здание, сделанного почти во всех этих церквях в форме классического портика. Подобная композиция действительно напоминает фасад готического собора.

Псевдоготика как одно из архитектурных направлений появилась в России в 60-е-70-е годы XVIII века. Увлечение готическими мотивами было очень распространено в русской архитектуре конца XVIII века. “Развивалась псевдоготика параллельно и одновременно с утверждением классических форм и принципов, и развивалась не в противоборстве с ними, что было бы естественно, будь она самостоятельным и особым стилевым этапом, но во вполне мирном разделении сфер практического применения. Не только заказчики, но и архитекторы были у “готики” и у “классики” одни и те же. “Готический” фасад считалось возможным сочетать с классическим интерьером” [3. С. 151]. Готические формы во многих случаях компоновались на основе ордерной системы.

Нередко истоки псевдоготики в России связывают с возрождением традиций древнерусского допетровского зодчества. Действительно, многие произведения русской псевдоготики были внутренне ближе окружающим их подлинным русским средневековым сооружениям, нежели готическим зданиям Западной Европы. Дело в том, что слово “готика” в XVIII веке имело более широкий смысл и обозначало все средневековое, в том числе и старорусское искусство, отличное от нового, классического. Поэтому и вся древнерусская архитектура или сходная с ней рассматривалась тогда современниками как “готическая”. Термин “псевдоготика” или “ложная готика” возник позднее, уже в XIX веке.

Псевдоготика развивалась в основном в усадебном загородном строительстве и в парковой архитектуре. Наиболее выдающимися приверженцами этого направления были В.И. Баженов и его ученик и ближайший помощник М.Ф. Казаков. В своем творчестве они обращались в равной мере и к западным готическим мотивам, и к формам русского средневекового зодчества.

Многие исследователи творчества В.И. Баженова, в частности И.Э. Грабарь, отмечают, что Баженов отдавал предпочтение двухколоколенному типу церквей [4]. Излюбленным его типом была церковь-ротонда с трапезной и двумя пристроенными колокольнями. К наиболее известным постройкам подобного типа, авторство которых принадлежит Баженову, можно отнести церкви в подмосковных усадьбах и селах Пехра-Яковлевское (1779-1785 гг.), Быково (проект 1762 года), Баловнево (1790-1799 гг.), церковь в селе Красном Рязанской области и другие. Авторами проектов двухколоколенных храмов, строившихся как в Москве, так и в других городах, были также архитекторы, принадлежавшие к школе В.И. Баженова: М.Ф. Казаков, Р. Казаков (церковь Мартына Исповедника в Москве, 1770-1775 гг.), А. Бакарев (собор в Можайске) и др.

Наиболее распространен тип двухколоколенного храма был в подмосковных усадьбах, но и в других областях встречались подобные сооружения, чаще всего опять же в усадебной архитектуре. В отличие от Подмосковья, где строительство двухколоколенных храмов пришлось на 70-е-80-е годы XVIII века, в провинции они строились в основном в 1800-е-1830-е годы.

Автор проекта перестройки Казанской церкви, очевидно, был хорошо знаком с особенностями стиля. Так, характерная для большинства построек этого типа композиция фасадов, где над вытянутыми по вертикали оконными проемами расположены маленькие круглые окошечки, зачастую обрамленные квадратными филанками, имела место и в караихской церкви, причем автор применил довольно оригинальный способ: квадратное обрамление окон здесь получилось из заложенных оконных проемов трапезной XVII века (на фотографии, сделанной в 1950-х годах, видны следы наличников). Если рассматривать подобную композицию в контексте стиля, то мы увидим, что наиболее часто этот прием использовал В.И. Баженов. М.А. Ильин указывает на подобное расположение окон как на “особо показательное для творчества Баженова” [5].

Таким образом, можно сказать, что в том облике Казанской церкви в Карабихе, какой она приобрела в начале XIX века, ясно прослеживаются черты, характерные для творчества В.И. Баженова. Конечно, было бы заманчиво предположить участие знаменитого архитектора или кого-то из его учеников в перестройке карабихской церкви, а заодно и в строительстве всей усадьбы, но у нас нет для этого никаких оснований. Правда, в Ярославской области есть один архитектурный ансамбль, в проектировании которого принимал участие В.И. Баженов, □ усадьба Тишининых в селе Тихвино-Никольском (1766 г.), но, как известно, чертежи и рисунки для этой усадьбы Баженов делал заочно, не отрываясь от своей основной работы. (В это время Баженов работал над проектом Каменноостровского дворца в Петербурге) [6. С. 472-487].

Можно предположить, что автор проекта перестройки карабихской церкви был хорошо знаком с работами Баженова и в чем-то даже копировал его. В этом, впрочем, нет ничего удивительного. “Знаменитые архитекторы русского классицизма в годы интенсивного строительства усадеб были буквально “нарасхват”. Обладание собственным домом работы “славного Баженова” или “во вкусе Львова” становилось для частного заказчика желанной целью” [7]. Так что вполне возможно, что автор, стремясь угодить желанию знатного заказчика или показать свою “образованность”, мог выполнить проект “в стиле” известного зодчего.

Одной из характерных сфер псевдоготики была “достройка” средневековых памятников, попытка подхватить и сохранить их стилевое своеобразие, возродить утраченные части древней постройки [3. С.147]. Подобных примеров немало и в ярославской архитектуре. Достаточно вспомнить звонницу Спасо-Преображенского монастыря и церковь Ярославских Чудотворцев с ее “готическими” окнами, перестроенные в начале XIX века, “готические” башенки Спасо-Яковлевского монастыря в Ростове Великом. Известно, что автором всех этих работ был ярославский архитектор Петр Яковлевич Паньков. С его именем связаны перестройки многих древних ярославских и ростовских памятников, фасадам которых, в зависимости от вкусов заказчика, он придавал то классический, то ложноготический характер [8. С. 160-162].

Откуда же взялось у провинциального архитектора увлечение “готическими” мотивами, распространявшимися в основном в подмосковных усадьбах? Происходивший родом из мещан г. Ростова, П.Я. Паньков не учился в Академии художеств и не получил специального архитектурного образования, тем не менее он, талантливый самоучка, является автором многих крупных общественных зданий в Ярославле и Ростове, с 1823 по 1842 год занимал должность губернского архитектора. Вполне вероятно, что, не имея возможности выезжать, как ученики Академии художеств, за границу для копирования “изящных образцов”, он учился на работах известных российских зодчих, используя их в качестве образцов при создании своих проектов. В творческом наследии П.Я. Панькова часто встречается прямое копирование произведений выдающихся архитекторов конца XVIII века. Вероятно, его увлечение псевдоготикой произошло именно от знакомства с работами Баженова и Казакова.

Мог ли Паньков принимать участие в строительстве в Карабихе? Большинство известных его построек относится к 20-30-м годам XIX века, когда он уже был известным архитектором. Но и в самом начале XIX века Паньков уже был известен и востребован не только в Ростове, но и в Ярославле. Этот период его деятельности достаточно подробно описан в книге А.И. Сулова и С.С. Чуракова “Ярославль”:

“С начала столетия он жил в Ярославле уже постоянно, был “вольным” архитектором, занимаясь, как свободной профессией, ”практической архитектурой”. Уже тогда он был признанным архитектором и занимал, несмотря на мещанское звание и невысокую грамотность, солидное положение в городе. Хотя в штате губернского управления состоял губернский архитектор Скорняков, но высшие власти предпочитали в важных случаях обращаться к Панькову. В те годы он “имел по личным поручениям господ гражданских губернаторов занятия в производстве многих устройств по городам Ярославлю и Ростову”. Поручения губернатора, как сказано в формуляре Панькова, он исполнял “по усердию своему, без всякого от казны и города содержания” [8. С. 162]. Должность гражданского губернатора в Ярославле в эти годы (1801-1817) как раз исполнял Михаил Николаевич Голицын, владелец Карабихи, при котором в усадьбе было закончено строительство ансамбля Большого дома с флигелями и произведена перестройка церкви. Следовательно, Михаил Николаевич Голицын вполне мог поручить Петру Яковлевичу

Панькову произвести кое-какие работы в своей загородной резиденции, находившейся как раз между Ярославлем и Ростовом, тем более, не в ущерб городской казне.

Есть еще один довод в пользу этого предположения. В 1825-1831 г. в Ярославле была выстроена единственная в городе двухколоколенная церковь – Ильинско-Тихоновская. На сходство Ильинско-Тихоновской и Казанской церквей указывал еще первый исследователь архитектурного ансамбля усадьбы Карабиха, А.И. Суслов. В 1947 году, в статье “Карабиха – усадьба Н.А. Некрасова...” он писал: “... Западный фасад [карабихской церкви] своими формами явно имитирует церковь Тихона на Волжской набережной в Ярославле” [9]. Облик храма – палладианская ротонда с пристроенными башенками – колокольнями на западном фасаде явно навеян творчеством Баженова (как уже было сказано выше, церковь-ротонда с двумя колокольнями была его излюбленным типом). Помимо этого имеется еще одно важное сходство между Ильинско-Тихоновской и Казанской церквями в Карабихе. Из всех указанных построек подобного типа только у этих двух западный портик сделан во всю ширину фасада и выступает наружу, закрывая нижнюю часть башен, у остальных же он расположен между ними. Пожалуй, именно это отличие больше всех других позволяет предположить, что обе эти постройки принадлежат одному автору.

По мнению известного ярославского архитектора, авторитетного специалиста по памятникам архитектуры Ярославля, С.Е. Новикова, есть все основания предполагать, что Ильинско-Тихоновская церковь выстроена по проекту П.Я. Панькова. В 20-е-30-е годы XIX века Паньков, будучи губернским архитектором, создает большую часть своих построек в Ярославле. Современные исследователи творчества П.Я. Панькова также указывают на него как на возможного автора проекта Ильинско-Тихоновской церкви [10]. Возможен также вариант, что Паньков использовал уже готовый проект, внося в него свои дополнения.

Известно, что в 1819 году П. Я. Паньков представляет свои проекты в Академию художеств для соискания звания. Академия художеств, рассмотрев проекты, сочиненные “уволенным из мещанского звания Петром Паньковым”, нашла, что он имеет большие способности к архитектуре и потому может претендовать на звание художника-архитектора. По именному указу Сената от 18 июня 1819 года Паньков получил это звание и первый чин [8. С. 162]. И кто знает, не было ли среди представленных им проектов чертежей Карабихской усадьбы, к тому времени уже построенной...

Библиографический список

1. Сорокина Н.М. Церковь во имя иконы Казанской Божьей Матери села Богородского, что на Карабитовой горе // Карабиха: историко-литературный сборник. Ярославль, 1997 г. Вып. 3.
2. Попадюк С.С. Историческая записка к проекту зон охраны ГЛММЗ Н.А.Некрасова “Карабиха” // Архив ГЛММЗ Н.А. Некрасова “Карабиха”.
3. Герчук Ю.Я. Проблемы русской псевдоготики XVIII века. Русский классицизм второй половины XVIII - начала XIX веков. М., 1994.
4. Грабарь И.Э. Вступительная статья к сб. “Неизвестные и предполагаемые постройки В.И. Баженова”. М., 1951.
5. Ильин М.А. Подмосковье. М., 1965.
6. Письма гравера Махаева: сообщение М. Ильина // Литературное наследство. 1933. № 9-10.
7. Аникст М.А., Турчина В.С. В окрестностях Москвы. Из истории русской усадебной культуры XVII-XIX вв. М., 1979.
8. Суслов А.И., Чураков С.С. Ярославль. Ярославль, 1960.
9. Суслов А.И. Карабиха – усадьба Н.А.Некрасова. Историко-литературные обоснования и основные архитектурные установки для реставрационно-восстановительных работ. 1947 г. // Архив ГЛММЗ Н.А. Некрасова “Карабиха”.
10. Коновалова Н.О. Ильинско – Тихоновская церковь в Ярославле: к вопросу о строительстве и истории памятника архитектуры первой половины XIX века / IX научные чтения памяти И.П. Болотцевой. Ярославль, 2005; Овсянников С.Н. Ярославский губернский архитектор П.Я. Паньков: творческая личность в контексте среды и эпохи: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Ярославль, 2006.